

ПАМЯТНИК «ПОСЛЕДНЕМУ ИЗ МОГИКАН» ИРКУТСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Именно таким он и должен быть — памятник Краеведу. Не монументом из бронзы или гранита, а книгой из его статей и заметок, собранных годы спустя под одной обложкой таким же знатоком и ценителем местной истории. Знатоком, которому интересны не одни только факты этой истории, но и человек эти факты «добывший», свой досуг, а порой и собственные скудные средства, да что там — часть своей жизни, направивший на изучение прошлого края, где родился, или который в силу обстоятельств стал его новой малой Родиной.

Эту книгу стоит начать читать с конца, а точнее — с тех двух страничек, на которых собраны выявленные составителем опубликованные работы ее автора и одновременно главного героя — Владимира Сергеевича Манассеина (1878–1938)*. Они — не просто история жизни Краеведа в отражении библиографии. Хотя, заполняя заметные лакуны последней (например, казанского периода 1907–1914 гг.), библиограф подготовит канву, по которой в дальнейшем будут восстановлены ныне неизвестные факты его биографии. Странички эти, во многом, ключ к пониманию Краеведа как своеобразного социокультурного типа исследователя, исчезнувшего ныне вида провинциального российского интеллигента второй половины XIX–начала XX вв. (хотя эти рамки можно и раздвинуть). Когда в регионах сложился круг образованных людей, занимающихся историческим или естественноисторическим изучением местной территории. Когда формировались научные общества, которые скорее внедряли научные установки и принципы, нежели преследовали цели прогресса научного знания, а методика местных исследований и их результаты — краеведческие описания — в полной мере соответствовали стандартам научных исследований эпохи. Эпохи, когда все еще действовал проект Просвещения: достижение общественного прогресса напрямую связывалось с повышением уровня образования людей. Краеведение «золотого», да, отчасти, и следующего за ним десятилетия (а именно к 1920-м и к началу 1930-х гг. относятся собранные в книге работы В.С. Манассеина) было частью все того же проекта, делавшего ставку на приобщение широких масс к научному знанию, невзирая на набирающий темпы процесс профессионализации научной деятельности.

Куда бы ни забрасывала судьба такого человека, какими бы ни были его профессиональные обязанности, его досуг всегда был посвящен

---

* Манассеин В.С. История с библиографией: сб. ст. / публ., сост., предисл., статья, коммент. — А.Н. Гаращенко, статья — Е.Ш. Соломон. Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская», 2010. — 300 с. ил.

изучению/описанию местной истории, обычаев, памятников, природной среды, географии. Он становился непременным участником местной жизни, местных общественно-научных институций. Вот и герой рецензируемой книги, тогда штабс-капитан Манассеин, несущий службу в Гродненской губернии, увлечен ее историей, публикует, думается, за свой счет первые свои исторические сочинения. Есть все основания полагать, что оставивший службу и ставший сначала студентом, а затем и профессорским стипендиатом Казанского университета, Манассеин также отдавался «тихой страсти» краеведения. Будучи же заброшен гражданской войной в далекий (но отнюдь не провинциальный в научном отношении) Иркутск, уже преподаватель местного университета Манассеин незамедлительно включился и в его краеведческую жизнь, начал публиковать свои работы в местных изданиях.

Подчеркнем, появлявшиеся на страницах разнообразных «Трудов...», «Известий...» и сборников сочинения «любителя от науки» — Краеведа смотрятся как законный продукт науки тех лет, с полным на то основанием включаются в архив той или иной отрасли знания. И только многие годы спустя, когда благодаря изданиям, подобным рецензируемому, появляется возможность окинуть одним взором все его творчество, прочитать неопубликованные работы, да еще с учетом контекста эпохи, психологических и социальных факторов, регулировавших тогда жизнь местного научного сообщества, субъектных, личностных характеристик их автора (выявляемых сопровождаемыми тексты биографическими статьями), можно увидеть своеобразие краеведческой исследовательской практики. Применительно к нашему герою и его историческим сочинениям — тягу к эмпирическому знанию, скрупулезный учет всех мало-мальски интересных фактов по теме исследования, комментирование всего, что обнаружено в литературных или архивных источниках, т.е. все то, что профессионалы-историки со своих академических высот нередко именуют ныне (и порой небезосновательно) «антикварным отношением к истории».

Достаточно непредвзято взглянуть на работы В.С. Манассеина иркутского периода, как очевидными станут и тематический их разброс (университетский вопрос в Сибири, землетрясения в Восточной Сибири, библиография, книжное дело, события научной жизни, история заводов и фабрик, и др.), и преимущественно «регистрирующий» или «учетный» их характер. Коим, подчеркнем, они и ценны по сей день, когда и школьник, и студент, и маститый ученый может найти в них столь нужный для него Факт. Однако напрасно будут они искать в них выводы, обобщения или интерпретации этих фактов — краеведческим исследованием делают отнюдь не его «узкие» территориальные рамки, а используемые методологические подходы и научный инструментарий.

До выхода в свет рецензируемой книги пишущий эти строки, касавшийся в своих публикациях исторических исследований В.С. Манассеина,

терялся в догадках относительно причин, не позволивших тому завершить работу по хозяйственной истории Тельминской фабрики, написать, в частности, вторую ее часть, посвященную «казенному» периоду ее существования с 1793 по 1860 г. Тем более что был разработан детальный prospect будущей книги, а под рукой исследователя в библиотеке Иркутского университета, которой он руководил, хранилась рукопись «Исторической и статистической записки о Тельминской казенной фабрике...», которой и предстояло стать основным источником информации.

Объяснение виделось (и искалось) преимущественно в социально-политическом контексте, в «фоне эпохе». Обстоятельная статья составителя сборника А.Н. Гаращенко, посвященная Манассеину как историку и краеведу, убедила в односторонности такого взгляда. Цитируемый им отчет о командировках Манассеина в Москву и Ленинград, предпринятых с целью сбора материалов по истории фабрики, свидетельствует о том, что азарт архивного поиска, а главное — интересные находки, уводили исследователя прочь от избранной темы. «Роковую роль» сыграло обнаружение им богатого архива иркутского купца В.Н. Баснина. Трудно осуждать Краеведа, предпочетшего делу разработки сухого, а порой и сложного для понимания, статистического материала, характеризующего производственную, торговую или финансовую сторону функционирования фабрики, работу с «живым» материалом — дневниками и перепиской. Как пишет А.Н. Гаращенко: «продолжение (истории Тельминской фабрики. — Д. М.) написано не было. Вместо него историк подготовил большую статью “Из истории сибирской торговой буржуазии”.... Данная работа, в своем названии претендующая на определенные обобщения в плане деятельности сибирской буржуазии, в большей степени посвящена семейству Басниных и лично В.Н. Баснину как очень яркой и неординарной личности в купеческой среде Иркутска. В ней много материала о культурной деятельности Баснина, а не о его коммерческих занятиях» (С. 245).

Роль отвлекающего фактора для увлекающегося Краеведа могли сыграть и археологические раскопки, предпринятые в те годы местными историками с целью поиска места расположения Иркутского острога. Как явствует из статьи А.Н. Гаращенко, одним из активнейших участников их стал и В.С. Манассеин, впоследствии составивший и опубликовавший историко-археологический очерк «Иркутский острог», ставший, фактически, последней прижизненной его публикацией. Думается, однако, что не только и не столько сам по себе «поиск исторического камня», как полагает биограф, вызвал неприятие у части местной интеллигенции. В «тяжелых дебатах с противниками раскопок, вылившихся на страницы местной газеты “Власть труда”» (там же), отчетливо просматривается критика именно «краеведческого» подхода к изучению местной истории, а, следовательно, и камешек, брошенный в «огород» его героя — В.С. Манассеина.

Автор публикаций, продемонстрировавший хорошую осведомленность о делах местных научных институций и скрывший свое имя за псевдонимом «Вудро» (рискну предположить, что, если не автором, то вдохновителем указанных статей выступил профессор Н.Н. Козьмин, многие годы открыто выступавший в печати с критикой провинциальных историков-краеведов за их тягу к сбору фактов, к поиску «куриозитетов», предупреждавший об опасности его превращения в «спорт коллекционирования», не имеющий отношения к научному решению задач), не столько защищал программу изучения истории местной промышленности, сколько критиковал местные исторические институции за отсутствие целенаправленности в их деятельности, за легкость, с которой те берутся за новые работы, не завершив начатых, за «дилетантскую страсть к научной многогранности» их участников, уводящую прочь от научной специализации.

Впрочем, критика «дилетантской» страсти «краеведов-любителей» к научной многогранности не пошла на пользу ни науке, ни краеведению, а лишь обозначила разрыв между ними, превратившийся в последующие годы в пропасть. Историческая наука считала ниже своего достоинства опускаться до «краеведческих тем», упрек в «узко-краеведческом» подходе звучал едва ли не как обвинение в непрофессионализме. Краеведение же стало «массовым движением», делом «пионеров и пенсионеров» — дилетантов в прямом смысле этого слова. Поэтому работы «последних из могикан» иркутского краеведения — подобных В.С. Манассеину, тончайший слой которых был сметен волной репрессий 1930-х гг. — до наших дней остаются значимым интеллектуальным ресурсом для всех интересующихся местной историей.

Лишь в начале нового тысячелетия наступило время, о котором без малого сто лет назад мечтал еще один иркутский Краевед с большой буквы, записавший в своем дневнике: «Будет время, придут ученые и соберут, быть может, и те крупницы знания, которые добываем, между другим делом, и мы, дилетанты от науки...» (И.И. Серебренников). Рецензируемая книга вселяет надежду на это.

А.В. ШАЛАК

С ПОЗИЦИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ*

По Великой Отечественной войне издано множество документальных сборников, отражающих ход боевых действий, деятельность в тылу, внешнеполитическую деятельность советского государства и другие стороны этого эпохального события. Это особый период в отечественной истории прошлого века, тот символ, который и сегодня продолжает скреплять

---

* Рец. на: Все для фронта, всё для победы!: сб. документов из фондов ГАНИИО. — Иркутск: Оттиск, 2011. — 512 с.